

«ЗОЛОТИСТЫЙ-ЗОЛОТОЙ»

Новелла

...И сказал ей бородатый главарь, увитый по лбу зелёной лентой: тебе – туда. И показал стволом автомата на горный склон – за ним ты найдёшь своего сына.

Или то, что от него осталось.

Если дойдёшь, конечно.

И замерли от этого жеста боевики, а в первую очередь те, кто устанавливал на этом склоне минное поле. Надёжно устанавливал – для собственной же безопасности, туда-сюда, движение.

Разведка федеральных сил не прошла – откатилась, вынося раненых.

Попавшие под артобстрел шакалы, спасаясь от снарядов в ущелье, вырывались сюда на простор и на потеху Аллаху устраивали фейерверк на растяжках.

Пленные, что вздумали бежать, взлетели здесь же на небеса.

Сын? Нет, сына её здесь нет, но они слышали о пленном русском солдате, который отказался снять православный крестик. Зря отказался – через голову и не стали снимать, делов-то – отрубили голову мечом, и тот сам упал на траву. Маленький такой нательный крестик на шёлковой нитке, мгновенно пропитавшейся кровью. Гордого из себя строил, туда-сюда, движение. А то бы жил. Подумаешь, без креста... Дурак. А похоронили его как раз там, за склоном. Иди, мать, а то ночь скоро – в горах быстро темнеет. Жаль только, что не дойдёшь. Никто не доходил.

Пошла.

Пошла по траве, выросшей на минах, и среди тоненьких проводков, соединявших гранаты-ловушки. Вдоль израненных осколками кустарников. Вдоль желтеющих косточек чьих-то сынков, не вывезенных с минного поля ни своими, ни чужими. Собрать бы их, по ходу, раз она здесь, похоронить по-людски, с молитовкой, но она шла-торопилась к

своему дитяти, к своей кровинушке, к своему дурачку, не послушавшего бандита. О, Господи, за что? Ведь сама, прилюдно, надевала сыночку крестик на призывном пункте – чтобы оберегал. И видела ведь, видела, что стесняется друзей её Женька, прячась подарком глубоко под рубашку. Думала грешным делом, что не станет носить, снимет втихаря.

Не снял...

А ей всё смотрели и смотрели вслед те, кто захотел иметь собственное солнце, собственную личную власть, собственных рабов. Ухоженные, упитанные, насмешливые бородачи. Три месяца она, ещё молодая женщина, ощущала на себе эти взгляды, терпела унижения, оскорбления, издевательства. Три месяца её секли холодные дожди, от которых в иные времена могла укрыться лишь собственными руками. По ней стреляли свои и чужие: по одинокой незнакомой фигуре на войне стреляют всегда – на всякий случай или просто ради потехи. Она пила росу с листьев и ела корешки трав. Она давно потеряла в болоте туфли и теперь шла по горным тропам, по лесным чащам, по невспаханым полям босиком. Искала сына, пропавшего в чужом плену на чужой войне. Невыспавшейся переходила от банды к банде, голодной от аула к аулу, закоченевшей от ущелья к ущелью. Но знала: пока не найдёт живого или мёртвого, не покинет этой земли, этих гор и склонов.

«Господи, помоги. Дай мне силы дойти и отыскать. На коленях бы стояла – да идти надо. Помоги, Господи. Потом заведи всё, что пожелаешь: жизнь мою заведи, душу, разум – но сейчас помоги...»

– Сейчас, сейчас взлетит, туда-сюда, движение.

– Живучая. Но здесь ещё никто не проходил, – ждали боевики, не спуская глаз с русской женщины и боясь пропустить момент, когда вздыбится под её ногами земля, когда закончатся её земные муки.

Не заканчивались. То ли небеса, оправдываясь за страшную кару, выбранную для её сына, отводили гранатные растяжки, то ли ангелы прилетели от него, от Женьки, и подстилали свои крыла под расстрекскавшиеся, с запечённой кровью ноги, не давая им надавить сильнее обычного на минные взрыватели. Но она шла и шла туда, где мог быть её сын, уходила прочь от главара с зелёной лентой, исписанной арабской вязью. И когда уже скрывалась с глаз, исчезала среди травы, один из боевиков поднял снайперскую винтовку, поймал в прицел сгорбленную спину: прошла она – проведёт других. Не взлетела – так упадёт...

Но что-то дрогнуло в бородаче, грубо отбил он в сторону оружие и зашагал прочь, в ущелье, в норы, в темень. Он не угадал. А тот, кто не угадывает, проигрывает...

...А ещё через два дня к боевому охранению пехотного полка вышла с зажатым в руке крестиком на шёлковой нити седая старушка. И не понять было с первого взгляда, русская ли, чеченка?

– Стой, кто идёт? – спросил, соблюдая устав, часовой.

– Мать.

– Здесь война, мать. Уходи.

– Мне некуда уходить. Сынок мой здесь.

Подняла руки – без ногтей, скрюченные от застывшей боли и порванных сухожилий. Показала ими в сторону далёкого горного склона – там он. В каменной яме, которую вырыла собственными руками, ногтями, оставленными там же, среди каменной крошки. Сколько перед этим пролежала без памяти, когда отыскала в волчьей яме родную рыжую головушку, из-за которой дразнили её Женьку ласково «Золотистый-золотой» – не знает. Сколько потом ещё пролежала рядом с найденным обезглавленным телом её мальчика – не ведаёт тоже. Но очнувшись, поглядев в чужое безжизненное небо, оглядев стоявших вокруг неё в замешательстве боевиков, усмехнулась им и порадовалась вдруг страшному: не дала лежать сыночку, разброзанному по разным уголкам ущелья...

...И выслушав её тихий стон, тоже седой, задёрганый противоречивыми приказами, обвинённый во всех смертных грехах политиками и правозащитниками, ни разу за войну не выпавшийся подполковник дал команду выстроить под палящим солнцем полк. Весь, до последнего солдата. С Боевым знаменем.

И лишь замерли взводные и ротные коробки, образовав закованное в бронежилеты и каски каре, он вывел нежданную гостью на середину горного плато. И протяжно, хриплым, сорванным в боях голосом прокричал над горами, над ущельем с остатками банд, над минными полями, покрывшими склоны, – крикнул так, словно хотел, чтобы слышали все политики и генералы, аксакалы и солдатские матери, вся Чечня и вся Россия:

– По-о-олк! На коле-ено-о-о!

И первым, склонив седую голову, опустился перед маленькой, босой, со сбитыми в кровь ногами, женщиной.

И вслед за командиром пал на гранитную пыльную крошку его поредевший до батальона, потрёпанный в боях полк.

Рядовые пали, ещё мало что понимая в случившемся.

Сержанты, беспрекословно доверяющие своему «бате».

Три оставшихся в живых прапорщика – Петров и два Ивановых, опустились на колени.

Лейтенантов не было – выбило лейтенантов в атаках, рвались вперёд, как мальчишки – и следом за прапорщиками склонились повинно майоры и капитаны, хотя с курсантских погон их учили, что советский, русский офицер только в трёх случаях имеет право становиться на колени: испить воды из родника, поцеловать женщину и попрощаться с Боевым знаменем.

Сейчас Знамя по приказу молодого седого командира само склонялось перед щупленькой, простоволосой женщиной. И оказалась вдруг она вольно или невольно, по судьбе или случаю, но выше красного шёлка, увитого орденовыми лентами ещё за ту, прошлую, Великую Отечественную войну.

Выше подполковника и майоров, капитанов и трёх прапорщиков – Петрова и Ивановых.

Выше сержантов.

Выше рядовых, каким был и её Женька, геройских дел не совершивший, всего один день побывший на войне и половину следующего дня – в плену.

Выше гор вдруг оказалась, тревожно замерших за её спиной и слева.

Выше деревьев, оставшихся внизу, в ущелье.

И лишь голубое небо неотрывно смотрело в её некогда васильковые глаза, словно пыталось насытиться из их бездонных глубин силой и стойкостью. Лишь ветер касался её впалых, обветренных щек, готовый высушить слёзы, если вдруг прольются. Лишь солнце пыталось согреть её маленькие, хрупкие плечики, укрытые выцветшей кофточкой с чужого плеча.

И продолжал стоять на коленях полк, словно отмаливал за всю Россию, за политиков, не сумевших остановить войну, муки и страдания всего лишь одной солдатской матери. Стоял за её Женьку, рядового золотистого воина. За православный крестик, тайно надетый и прилюдно не снятый великим русским солдатом в этой страшной и непонятной бойне...

С сайта <http://www.rospisatel.ru/ivanov-zolotisty%20zolotoy.htm>